

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ С.В.

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

«Повесть временных лет» представляет нам рассказ о возникновении Древнерусского государства. Рассказ этот путанный и противоречивый, ибо он соединяет множество различных версий, легенд, оценок. Учитывать нужно и тот факт, что позднее текст летописи редактировался — что-то в него добавлялось, что-то вычеркивалось. И это не случайно — сама многоэтничность Древней Руси предполагала наличие разнообразных исторических преданий. Лишним свидетельством тому можно считать тот факт, что **в IX — XII вв. в Древней Руси существовало по крайней мере четыре генеалогических предания, т.е. четыре версии происхождения «рода русского»**. В них называются разные «родоначальники» русов: в «Повести временных лет» — Кий, Рюрик, Игорь, а в «Слове о полку Игореве» — Троян. И за каждым из этих преданий стояли определенные политические и социальные силы и определенные интересы, в том числе и претензии тех или иных родов на власть в Древнерусском государстве.

Первое упоминание руси в летописи под хронологической датой — 856 год, когда некие русы совершили поход на Византию. По мнению многих исследователей, в данном случае подразумеваются загадочные причерноморские русы, неоднократно нападавшие в середине IX в. на Константинополь, а потом принявшие крещение по византийскому обряду.

Далее летопись сообщает, что уже в 859 году ильменские словене входили в образование по Волго-Балтийскому пути, возглавляемое варягами, но вскоре варягов изгнали. В 862 году по приглашению союза пяти племен — двух славянских (ильменские словене и кривичи) и трех финно-угорских (чудь, весь, меря) из Южной Прибалтики к ним приходит и вокняжается варяжская династия: три брата из варягов-руси — *Рюрик, Синеус и Трувор* — вместе с родами своими. Рюрик стал княжить в Ладоге, а потом в Новгороде, Синеус — в Белоозере, а Трувор — в Изборске. Когда Синеус и Трувор умерли, Рюрик продолжал княжить один.

Двое воевод Рюрика, *Аскольд и Дир* с дружиной, отпросились у князя пойти походом на Царьград. Спустившись по Днепру, Аскольд и Дир остановились в Киеве, и сами начали здесь княжить. В «Повести временных лет» говорится, что в 866 году Аскольд и Дир совершили поход в Византию, осадили Константинополь, но их войско

было разбито внезапно поднявшейся бурей. Летопись приписывает чудесное спасение Константинополя заступничеству Пресвятой Богородицы. Интересно, что в поздних русских летописях XVI — XVII вв. сообщается еще о нескольких походах Аскольда и Дира: против древлян, уличей, хазар, болгар, полочан, печенегов и кривичей.

Летописные сообщения об Аскольде и Дире давно уже стали предметом споров между историками. Как было доказано современными исследователями, рассказ «Повести временных лет» о походе русов на Константинополь в 866 г. полностью заимствован из византийских источников, причем, имена Аскольда и Дира русские летописцы присоединили к нему позднее и искусственно. Вполне возможно, что Аскольд и Дир даже не были современниками. В арабских источниках содержится сообщение о том, что князь Дир был современником и соседом князя Олега. В принципе, на этом основании, принято считать, что никакого похода киевских русов на Византию в 866 году не было, а это был очередной поход русов причерноморских.

Трудно определить происхождение имен князей. Одни историки считают имена Аскольда и Дира скандинавскими. Другие доказывают, что это имена местных князей, связанных с династией легендарного Кия. Привлечение внелетописных источников представляет другую картину. Дир — имя иллирийское, означающее «крепкий», «твердый». Оно и до сих пор сохраняется у кельтов (читается теперь на английских манер как «Дайри»). Аскольд — типичное кельтское имя, где компонент «олд» («олл») означает «великий». Таким образом, Дир и Аскольд могли быть представителями какой-то из ветвей руси, если, конечно, они были в действительности. Но, во всяком случае, один из летописцев «Повести временных лет» говорит о могилах Аскольда и Дира: Аскольд был похоронен на Угорской горе, и над его могилой впоследствии была поставлена церковь св. Николая, а Дирова могила находилась за церковью св. Ирины.

Под 879 годом летопись сообщает о смерти Рюрика. После него в Новгороде вокняжается *Олег*, представитель другой княжеской династии — из Аланской Руси, расположенной в Прибалтике, возможно, на острове Сааремаа. Выходцем из этой династии был и будущий киевский князь Игорь. Уже через три года, в 882 году, Олег с большим войском уходит из Новгорода на юг, завоевывает Смоленск, Любеч, а потом и Киев, убив при этом Аскольда и Дира. Именно Олег объединяет под своей властью северо-западные и южные славянские земли, занимает Киев и объявляет подвластные ему территории единой Русской землей, а Киев — столицей своего государства. С тех пор и появилось выражение: «Киев — мать городов русских». Олег установил дани словенам, кривичам, мери и приказал давать дань варягам от Новгорода по 300 гривен в год. Эта дань, согласно «Повести временных лет», платилась варягам вплоть до смерти князя

Ярослава, т.е. до середины XI века. От русов, которые у славян стали князьями, славянские земли прозвались Русской землею или Русью. Позднее, уже в научной исторической литературе, государство, возникшее в конце IX в. в землях восточных славян, назовут Киевской Русью.

И вот здесь вполне правомерно поставить вопрос — почему Олег именно Киев объявил центром Русской земли? Какую «Русскую землю» подразумевал Олег? Возможно, князь Олег поставил задачу собирания всех «Русий» в нечто единое. Поэтому, скорее всего, именно князь Олег объединил под своей властью разные этнические группы руси и положил основание тому социально-политическому образованию, которое в «Повести временных лет» получило название «род русский». Не случайно в одном месте (под 856 годом) «Повесть временных лет» именно с Олега начинается перечисление русских князей, даже не вспоминая о Рюрике.

В 883 г. Олег покорил древлян и обложил их «тяжелой» данью, а в 884 и 885 гг. возложил дань на северян и радимичей, которые до того платили дань хазарам. Но пограничных с хазарами северян и радимичей Олег, по сути, освобождает от дани, возлагая на них дань «легкую». Вообще возложение «легкой» дани на эти два племени очень знаменательно. А.Г. Кузьмин предполагает, что оно является отголоском давнего конфликта между Русским каганатом, наследником которого была Аланская Русь в Прибалтике, и хазарами. Возложение на северян «легкой» дани заставляет думать, что собирание Олегом земель под властью «рода русского» в конце IX века — это ответ на события 30-х годов IX столетия, когда Русский каганат был разгромлен хазарами в союзе с венграми. Видимо, Олег стремился вернуться в исторически принадлежащий Аланской Руси регион.

Под 907 годом летопись сообщает о походе Олега на Византию. Под знаменами Олега выступили варяги, словене, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, дулебы и тиверцы. Согласно летописи войско Олега двигалось на 2000 кораблях, в каждом из которых было по 40 воинов. Греки испугались приблизившегося русского войска и поспешили заключить мир с Олегом. Был подписан договор, согласно которому Олег взял с греков большую дань: по 12 гривен на каждого человека, участвовавшего в походе, а также дань для русских городов Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и других, в которых сидели «великие князья».

Но некоторые историки предполагают, что этот рассказ — поздняя вставка в летопись, появившаяся, возможно, в результате даже нескольких редактирований только в XII веке. Скорее всего, Олег совершил только один поход на Царьград — в 911 году, под которым летопись подробно пересказывает договор Руси с Греками. Текст этого договора

знаменателен. Прежде всего, в договоре идет речь только о русах, и ни словом не упоминаются славянские племена. Во-вторых, русы показаны как разноэтничный конгломерат — «род русский». Об этом свидетельствуют имена послов «от рода русского»: *Веремуд (Вельмуд), Карлы, Фарлоф, Рулав, Стемид, Фрелав, Актеву, Гуды, Труар и др.* Эти имена в большинстве могут быть объяснены, главным образом, из кельтских, иллирийских, иранских, фризских и финских языков. Но характерно, что этот договор Олега, как, впрочем, и более поздний договор Игоря, записан по-славянски, что говорит о славяноязычии княжеских дружин.

В-третьих, у русов преобладают кровнородственные отношения — наследство без завещания передается только ближайшим младшим родственникам. В-четвертых, из текста договора видно, что основные занятия русов — воинское дело и торговля. При этом русы вели активную работорговлю и имели личных рабов — «челядинов», что не характерно для славян. И еще одна особенность — все русы в договоре предстают язычниками. Они так и противопоставляются грекам, как «русские» — «христианам».

К концу правления Олега под его властью находились несколько славянских племенных союзов. Впрочем, на протяжении всего X века состав земель (племенных союзов) под властью киевских князей все время менялся — какие-то земли то выходили из-под их власти, то заново завоевывались.

После смерти Олега (912 или 913 гг.) киевским князем стал *Игорь*. Но здесь в летописях начинается путаница. Эту путаницу можно объяснить только тем, что позднее они были отредактированы, причем летописцы-редакторы старались представить именно Игоря основателем киевской династии. Следовательно, им пришлось убирать повествование о каких-то событиях, которые могли бы опровергнуть права Игоря на киевское княжение. Именно поэтому новгородские летописцы называют Олега Вещего всего лишь воеводой Игоря и лишают Олега княжеского достоинства.

А.Г. Кузьмин предлагает искать разрешение путаных сообщений летописей в других источниках, а именно — в богемских хрониках, опубликованных в конце XVIII в. Христианом Фризе. По мнению А.Г. Кузьмина, здесь нужно вести речь об усобице, разразившейся в Киеве в 20—30-е гг. IX в. между Игорем и... Олегом. Но другим Олегом — сыном Олега Вещего.

Согласно рассказу Х. Фризе Олег Вещий был князем и имел сына — Олега Олеговича. Игорь же был племянником Олега Вещего. После смерти Олега Вещего между двоюродными братьями разразилась борьба за княжеский стол, в результате которой Игорь изгнал Олега Олеговича из Руси. Олег бежал в Моравию, которая в это время вела

борьбу с вторгшимися в области Среднего Подунавья венграми. В Моравии Олег принял христианство (христианское имя его — Александр). Олег отличился в войнах с венграми и был избран королем Моравии. Случилось это, скорее всего, в 935 году.

Олег помирился с Игорем, попытался объединить силы Моравии, Руси и Польши ради отражения натиска венгров. Однако из Руси пришло сообщение о гибели Игоря, и союз так и не состоялся. После ряда лет борьбы с переменным успехом Олег потерпел поражение и вернулся на Русь, где был воеводой у вдовы Игоря княгини Ольги. Умер Олег Олегович в Киеве, видимо, в 962 году.

А.Г. Кузьмин подчеркивает, что сведения богемских хроник подтверждаются археологически — именно во второй четверти IX века отмечается волна миграции славянизированного населения, в том числе и русов, из Моравии в Приднепровье. И характерно, что эти вновь пришедшие к Днепру народы, или хотя бы часть их, уже были христианами (у них наблюдается христианский обряд погребения). Видимо, именно с этой волной вернулся в Киев и Олег Олегович. Кстати, дополнительным подтверждением верности сведений богемских хроник может служить тот факт, что в Киеве будет известна не одна, а две могилы Олегов, расположенные в разных частях города. Возможно, это были могилы Олега-отца и Олега-сына.

А Игорь, победив в усобице с двоюродным братом, утвердился на киевском столе. Но сразу же начал терять те территории, которые объединил под своей рукой Олег Вещий. Уже в первые годы правления ему пришлось воевать с древлянами, которые решили отделиться от русов Киева.

Согласно «Повести временных лет» в 941 и 944 годах Игорь совершил два похода на Царьград. Но историки доказали, что поход был только один — в 941 году и окончился он неудачно: ладьи русов, которых насчитывалось 10 тысяч, были в значительной части сожжены греками при помощи «греческого огня». В 944 г. князь Игорь заключил новый договор с греками. И текст этого договора свидетельствует, что в составе правящей элиты Киевской Руси произошли значительные изменения.

Перечисление имен послов от Киевской Руси, заключавших договор с греками, показывает, что, помимо кельтских, фракийских, иранских, эстонских имен, появляются и славянские имена — *Воико, Володислав, Предслава, Синко*. Даже сын Игоря носит уже славянское имя — Святослав. Этот факт может свидетельствовать о двух параллельных процессах. С одной стороны, продолжалась славянизация дружинников из «рода русского», в том числе из правящей династии. С другой стороны, сами славяне появляются в составе правящей элиты Древнерусского государства.

Еще одна характерная особенность: послы представляют отдельных князей, воевод, бояр и всех знатных «людей Русской земли». Отдельная группа выступает от русских купцов. Даже члены семьи князя Игоря представлены разными послами — от самого Игоря, от его сына Святослава, от его жены Ольги, от его племянников Акуна и Игоря. Из этого следует, что князь Игорь лично не мог представлять интересов не только всей Киевской Руси, но и всего «рода русского», а являлся главой своеобразного княжеского и боярского союза. Иначе говоря, пределы личной власти Игоря были довольно ограниченны.

И еще одно новое явление, которое зафиксировал этот договор, — **среди русов появились христиане**. Причем летописец подчеркивает: «Было много христиан среди варягов». Более того, у русов-христиан была и своя соборная церковь в Киеве — церковь св. Ильи. При этом в составе русов оставалось и много язычников. Впрочем, против греков и русы-христиане и русы-язычники выступали совместно, и никаких противоречий на религиозной почве внутри «рода русского» не было. Единственное различие — русы-христиане приносили клятву именем христианского Бога, а русы-язычники клялись своим богом Перуном и своим же оружием.

Откуда могли появиться христиане в Киеве? Скорее всего, это были те самые русы, которые в 40-х годах X века переселились в Приднепровье из Моравии. Только они могли создать большую христианскую общину в столице Киевской Руси. Именно к середине X в. относятся погребения по христианскому обряду, в массовом порядке появившиеся в Киеве и находящие аналогии только в христианских погребениях Моравии.

Под 945 годом «Повесть временных лет» помещает рассказ о разыгравшейся войне между древлянами и киевскими русами.

Началось все с того, что дружинники Игоря потребовали от князя пойти за данью на древлян, утверждая: «И ты добудешь, и мы». При этом дружинники указывали на воеводу Игоря Свенельда, который смог обеспечить богатое содержание собственной дружины, а вот Игоревы дружинники пребывают в бедности: «А мы наги». Послушавшись дружинников, Игорь отправляется к древлянам и силой берет с них двойную дань. Однако этого Игорю показалось мало и он с небольшим отрядом вернулся к древлянам за новой данью. Возмущенные древляне убили Игоря и его «малую дружину».

Этот рассказ показывает нам специфику отношений внутри «рода русского». Вполне ясно просматривается, что личная власть князя Игоря ограничена, а сам он во многом зависит от мнения дружины. Более того, его воевода Свенельд имеет

собственную дружину и собственные источники дохода, — видимо, он собирал дань отдельно от Игоря с отведенных в его владение территорий. Причем Игорь не имел права претендовать на долю в этой Свенельдовой дани.

Характеризует этот сюжет и отношения между киевским князем и подчиненными ему славянскими племенами, в данном случае с древлянами. Отношения эти ограничивались сбором дани, которая называлась «полюдьем». Но славяне сохраняли за собой право на вооруженное сопротивление, если размеры дани превышали разумные пределы. У славянских земель-княжений сохраняются и собственные князья, и собственное самоуправление — все главные вопросы решаются на общем вече, которое избирает и князей, и других «лучших людей». И в целом, относительное единство разных земель-княжений в пределах Киевской Руси поддерживалось практически только личностью киевского правителя. Об этом свидетельствуют дальнейшие события.

Убив Игоря, древляне решили, что теперь они свободны от обязательств перед киевской династией. Более того, древляне стали претендовать на киевский стол — они потребовали, чтобы княгиня Ольга вышла замуж за древлянского князя Мала. Но характерно, что конфликт с русами древляне, в соответствии со славянскими традициями, попытались разрешить мирным путем — послали к Ольге своих послов.

Дальнейшее хорошо известно по «Повести временных лет». Ольга хитростью заманила два посольства древлян в ловушки и жестоко расправилась с ними — одних послов закопала живьем в землю, других сожгла в бане. Затем она явилась в Древлянскую землю и устроила тризну на могиле мужа, на которую пригласила и древлян. По приказу Ольги ее дружинники сначала напоили древлян допьяна, а затем иссекли их мечами («Повесть временных лет» называет цифру убитых — 5000 человек). А в следующем, 946, году, Ольга вместе с малолетним Святославом отправилась в поход на древлян, взяла с боя их город Искоростень и опять жестоко расправилась с его жителями — одних убили, других Ольга отдала в рабство своим дружинникам, а третьих обложила «тяжкой данью».

Столь жесткое поведение Ольги показывает нам методы разрешения конфликтов, характерные для русов, — они придерживались правила «кровной мести», причем киевская княгиня четырежды мстит древлянам за смерть своего мужа, мстит быстро и жестоко, в корне подавляя любое возможное сопротивление. Даже эти разные способы разрешения конфликтов у славян и «рода русского» свидетельствуют, что у русов и славян сохранялись различные традиции, имеющие истоком разное этническое происхождение и разные формы организации общества.

Правление *княгини Ольги* (ум. в 969 г.) при малолетнем Святославе было более успешным, нежели ее мужа Игоря. Она смогла вновь объединить под своей властью земли Киевской Руси. В 947 году, вместо полюдья, Ольга установила пункты для сбора дани — погосты, на которые окрестные жители свозили дань, установила порядок сбора дани и ее размеры. В 959 г. Ольга побывала в Византии и там крестилась в христианскую веру, получив в крещении имя Елена.

С середины 60-х гг. X века можно отсчитывать время начала самостоятельного правления сына Игоря и Ольги, *князя Святослава* (ум. в 971 г.). Летопись повествует о Святославе как об истинном воине, который все время проводил в походах, ночевал не в шатре, а на конской попоне, с седлом в головах. Византийский историк Лев Диакон оставил его описание: среднего роста, с широкой грудью, глаза голубые, густые брови, безбородый, но с длинными усами, на бритой голове только одна прядь волос, что свидетельствовало о его знатном происхождении. В одном ухе он носил серьгу с двумя жемчужинами.

Но Святослав Игоревич не был похож на свою мать. Если Ольга стала христианской, то Святослав оставался язычником — и в общественной жизни, и в быту. Так, скорее всего, все сыновья Святослава были от разных жен, ведь у славян-язычников было многоженство. Например, матерью Владимира была ключница-рабыня Малуша. И хотя ключница, державшая ключи от всех княжеских помещений, считалась важной персоной при дворе, ее сына-князя презрительно называли «робичичем» — сыном рабыни. По-разному мать и сын понимали и свои обязанности правителей государства. Если княгиня Ольга была озабочена сбережением своего княжества, то князь Святослав искал славу в дальних воинских походах, нимало не заботясь о Киевской Руси.

Святослав несомненно был талантливым полководцем. Во второй половине 60-х годов X века Святослав завоевал вятичей, разгромил Хазарский каганат, располагавшийся в нижнем течении Волги, победил ясов-алан и касогов-черкесов на Северном Кавказе, воевал с Волжской Булгарией. В 970 г. Святослав во главе многочисленного войска двинулся в Дунайскую Болгарию. Завоевав болгар, он захватил город Малую Преславу, переименовал его в Переяславец на Дунае и объявил столицей своей державы. В 971 году война продолжилась, но закончилась тяжелым поражением русского войска. А после князю Святославу с остатками войска пришлось возвращаться в Киев. Но византийцы известили об этом кочевников-печенегов. На обратном пути Святослав попал в засаду и был убит.

Отважный и умелый полководец, Святослав так ничего и не сделал для упорядочения государственных дел ни в своем княжестве, ни на завоеванных территориях. Более того, он вообще хотел покинуть Киев и обосноваться в Переяславце на Дунае: «Не любо мне в Киеве быть, — говорил Святослав, — хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей». И киевляне видели это нежелание Святослава заботиться о своем государстве. В 968 г., когда Киев осадили печенеги, а Святослав находился в очередном походе, киевляне отправили князю послание с укором: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул... Неужели не жаль тебе своей отчины?»

Саму Киевскую Русь Святослав в 970 г., перед походом в Дунайскую Болгарию, разделил между сыновьями: Ярополку достался Киев, Олегу — Древлянская земля, а Владимиру — Новгород. Это разделение княжества на уделы проводилось явно по этногосударственному принципу — по границам уже существовавших племенных союзов полян-руси, древлян и ильменских словен. Как видно из самого факта разделения, эти племенные союзы сохраняли определенную самостоятельность во времена правления Святослава. И после 970 г. на месте относительно единого государства фактически возникли три княжества во главе с тремя сыновьями Святослава. Интересно, что никак не упомянуты кривичи и их города Смоленск и Полоцк. Дело в том, что, видимо, уже в середине или во второй половине X в. кривичи (или их часть) отделились от Киева. Во всяком случае, как покажут дальнейшие события, в Полоцке в 70-е гг. X в. существовала собственная княжеская династия.

Вообще, это решение Святослава положило начало своеобразному «удельному периоду» в русской истории — на протяжении более чем пятисот лет русские князья будут делить княжества между своими братьями, детьми, племянниками и внуками. Только в конце XIV в. Дмитрий Донской завещает своему сыну Василию Московское великое княжество как единую «отчину». Но удельные отношения будут сохраняться и после смерти Дмитрия Донского еще целых 150 лет — в середине XV в. Московскую Русь поразит настоящая «феодалная война», с удельными князьями будет бороться и Иван III в конце XV в., и его внук Иван IV в середине XVI в.

В основе удельного принципа деления русских княжеств, конечно же, лежали объективные причины. Сначала, как при Святославе, большую роль играли этногосударственные факторы, позднее на первое место выйдут факторы экономические, политические и даже личные (соперничество между князьями). Здесь нужно учитывать, что в Киевской Руси власть передавалась по принципу

«старейшества» — старшему в роде. Но уже во второй половине XI века князей стало столь много и родственные отношения так запутались, что права на то или иное княжение и тем более на титул великого князя можно было выяснить только силой. Потому и поразили Русь на долгие пятьсот лет постоянные и бесконечные княжеские усобицы.

Конечно, здесь нужно учитывать, что немалую роль в политической жизни Руси играло и местное вечевое самоуправление городов и земель, которое могло отказаться принять того или иного князя или, напротив, пригласить к себе князя, вроде бы не имеющего на данный стол никаких прав. Подобные случаи бывали не раз и также становились причинами новых усобиц.

Как уже говорилось, вполне возможно, что первая усобица случилась еще 20-е гг. X в. между Игорем и Олегом Олеговичем. Но точно зафиксированная источниками первая междоусобная война произошла вскоре после смерти князя Святослава Игоревича.

Правление князя *Ярополка* (ум. 978 г.) в Киеве было коротким и беспокойным. Сначала, видимо, от государства отпали вятичи и радимичи. А вскоре братья-Святославичи начали войну. В 977 году подстрекаемый воеводой Свенельдом, который стремился отомстить за смерть своего сына Люта, Ярополк пошел войной на брата Олега, и в этой войне Олег погиб. Испугавшийся Владимир бежал из Новгорода, который заняли посадники Ярополка. Однако в 978 году Владимир с нанятым войском из варягов вернул себе Новгород, а затем пошел войной на Ярополка. По дороге на Киев Владимир завоевал Полоцк и насильно взял в жены Рогнеду, дочь полоцкого князя Рогволода. Зато Киев был взят без боя — во время переговоров наемники-варяги убили Ярополка. После этого Владимир взял силой себе в жены и вдову Ярополка, которая в то время уже была беременна.

В этом случае интересно сообщение о Рогволоде. «Повесть временных лет» свидетельствует: «Этот Рогволод пришел из-за моря и владел Полоцком, а Туры — Туровом, по нему и прозвались туровцы». Следовательно, как говорилось выше, в Полоцке и, возможно, в Турове в этот период существовали собственные княжеские династии, не имеющие отношения к династии киевских князей и не подчиняющиеся Киеву. Имя князя — Рогволод — это, может быть, славянизированное имя-титул, в котором слышится: «владеющий рогами» (впрочем, здесь заметен и кельтический элемент «олд» — «великий»). Поэтому можно предположить, что династия Рогволода пришла в Полоцк из земель каких-то прибалтийских ругов-русов.

Интересно, что сообщение «Повести временных лет» в данном случае перекликается с преданием, записанным в Туровской земле. Согласно этому преданию, название одного из городищ Туровской земли, так называемого «Давыд-городка», связано с неким ятвяжским князем Давыдом, основавшим и Туров. Иначе говоря, туровское предание тоже сообщает о существовании отдельной династии, пришедшей из Прибалтики (ятвяги — это прибалтийское племя). А в устюжской летописной традиции, независимой от киевской, Рогволод и Туры считались братьями. Устюжская летопись приводит еще одно свидетельство о переговорах между Рогволодом и Владимиром: «Бе бо Рогволод посла брата своего Тарашиа ко Владимиру». В имени «Тарашиа» нетрудно увидеть искажение имени все того же Туры.

При князе *Владимире Святославиче* (правил в 978—1015 гг.) происходит постепенное усиление власти киевского князя. Владимир воевал даже чаще, чем его отец Святослав. Но в отличие от отца все его помыслы были связаны с Киевом. Владимир не был выдающимся полководцем и проигрывал отдельные сражения. Но он не проигрывал войн и всегда достигал поставленной цели. За 978—985 гг. он совершил по крайней мере десять больших походов. В этих походах он вновь покорил вятичей, дреговичей и радимичей, отвоевал у Польши города Червень, Перемышль и др., присоединил земли литовского племени ятвягов, воевал с Волжской Булгарией и Хазарией, присоединил Тмутаракань (город в Крыму). В последующие годы последовали война с Византией, взятие Корсуни (Херсонес в Крыму), присоединение восточнославянской Хорватии, война на севере, а также изнурительные войны с Польшей и печенегами. В итоге, именно в правление Владимира власть киевского князя значительно усилилась, а границы Киевской Руси расширились.

Владимир укрепил и украсил сам Киев. Городские укрепления в основном состояли из мощных земных валов, высота которых достигала шести метров, ширина — девяти метров и более. А в городе было построено много каменных зданий.

Немалое значение для укрепления власти киевского князя имела религиозная реформа. Владимир в первые годы своего княжения был убежденным язычником. Как рассказывает летопись, сразу же после вокняжения Владимир установил на киевском холме, близ своего дворца, изображение шести языческих богов — Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. Это языческое капище получило позднее в науке наименование «Пантеона Владимира», в котором главным богом киевский князь объявил Перуна. Таким образом, он объединил различные языческие культы жителей

Киевской Руси под главенством бога княжеской дружины Перуна, а Киев превратился в главный культовый центр всей Киевской Руси.

Долго оставался Владимир язычником и в личной жизни. Он имел пять законных жен — полочанку Рогнеду, некую чешку, «грекиню», вдову убитого Ярополка, еще одну «чехиню», а последней его женой стала византийская царевна Анна. Кроме того, у князя были еще сотни наложниц. От законных жен Владимир имел двенадцать сыновей и по меньшей мере девять дочерей.

При Владимире в Киеве впервые произошла попытка человеческих жертвоприношений. «Повесть временных лет» сообщает, что в 983 г. князь Владимир Святославич вернулся из победного похода на ятвягов. В честь победы решили принести жертвы языческим богам. Старцы и бояре бросили жребий на отроков и девиц — на кого укажет жребий, того и нужно было принести в жертву. Жребий выпал на варяга-христианина, но его отец отказался отдать сына. Тогда возбужденная толпа убила обоих.

Историки связывают эти трагические события в Киеве с восстанием славян-язычников в Южной Прибалтике, которое произошло как раз в 983 г. против насильственной христианизации. Видимо, киевские язычники продолжали поддерживать связи с прибалтийскими славянами, чья ненависть к христианам нашла отклик и в Киеве.

А летопись варяга и его сына называет праведниками, приравнивая их к святым мученикам. Таким образом, варяг и его сын исторически стали первыми на Руси мучениками за христианскую веру. Но канонизированы они были позднее под именами Феодора и Иоанна, хотя время канонизации неизвестно.

Своих сыновей Владимир посадил князьями в двенадцати главных городах Киевской Руси: Новгороде, Ростове, Полоцке, Турове, Владимире Волынском, в Муроме, Тмутаракани и др. Кроме того, он основал много городов на пограничных со степью реках, которые охраняли границы Киевской Руси от набегов кочевников.

В конце X в. Владимир Святославич ввел на Руси христианство как государственную религию, и Древнерусского государство стало христианской державой. В 989—996 гг. Владимир строит в Киеве соборную церковь Богородицы — знаменитую Десятинную церковь, которая на долгие годы станет главным христианским центром Киевской Руси.

Здесь надо отметить, что христианство на Русь пришло, скорее всего, из Моравии и Корсуня в кирилло-мефодиевской традиции. Поэтому в первые годы своего

существования Русская Церковь не зависела от Константинопольского патриархата и не имела митрополитов, утвержденных в Константинополе.

Под 996 годом «Повесть временных лет» рассказывает о принципах управления государством при Владимире. Князь советовался об устройстве земли и о войнах прежде всего со своей дружиной, а, кроме того, с боярами, «старцами градскими», «десятскими» и «сотскими». Значительную роль в этот период играли уже и христианские епископы, которые имели серьезное влияние на князя. Именно епископы предложили Владимиру провести реформу судопроизводства в соответствии с нормами христианства: вместо денежных штрафов (виры) за преступления ввести смертную казнь. Владимир согласился, однако нововведения вызвали серьезные раздоры. Поэтому по просьбе епископов и «старцев градских» Владимир вновь вернул виры и отменил казни. «И жил Владимир по заветам отца и деда», — сообщает летопись.

Последние годы княжения Владимира Святославича освещены в источниках крайне скупо и противоречиво. Есть предположение, что сведения об этом периоде жизни и правления Владимира по каким-то причинам были вымараны из летописных текстов позднейшими летописцами-редакторами.

Несмотря на усиление власти киевского князя при Владимире, каждая земля в составе Киевской Руси продолжала жить своей жизнью, а направлявшиеся по княжествам сыновья Владимира либо входили в противоречие с местным самоуправлением, либо, пытаясь опереться на него и взаимодействовать с ним, вступали в конфликты с Киевом и княжившим там отцом.

Старшего — Святополка — Владимир не любил, ведь он был не его сыном, а Ярополка, чью жену Владимир взял уже беременной. Впрочем, и Святополк не признавал Владимира. В 1013 г. Святополк княжил в Турове. Подстрекаемый немцем-епископом Рейнберном и своим тестем польским князем Болеславом I, он замыслил «тайно выступить» против киевского князя. Но Владимир упредил заговорщиков, схватил их и заточил в темницу и Рейнберна, и Святополка с женой, польской княжной. Епископ Рейнберн вскоре скончался, а Святополк провел в темнице все время до самой смерти Владимира.

Еще при жизни Владимира разразился конфликт между ним и сидевшим в Новгороде сыном от полоцкой княжны Рогнеды Ярославом, отказавшимся в 1014 г. платить традиционную новгородскую дань Киеву в 2000 гривен. В 1015 г. Владимир собрался идти войной на Ярослава, но заболел и 15 июля умер.

Летопись свидетельствует, что Владимир Святославич в последние годы жизни возлагал особые надежды на другого своего сына — Бориса. Во всяком случае, именно

ему незадолго до смерти он доверил свою дружину. Благорасположенность киевского князя к Борису вызывала страх и ненависть у его братьев.

После смерти Владимира Святославича в Киеве утвердился *Святополк*. Киевляне приняли нового князя вполне благосклонно. Святополк был старшим в роду (сын Ярополка), и потому жители Киева вполне правомерно отдавали ему предпочтение перед другими претендентами на киевский стол. Кстати, и Святополк ответил киевлянам полным доверием — следуя давней традиции, он дважды «созывал» киевлян, т.е. собирал их на вече. И, судя по всему, получил на вече полную поддержку. Даже дружина Владимира, когда Борис отказался идти войной на Киев, перешла на сторону Святополка.

Но сразу же между братьями-Владимировичами разразилась усобица. С помощью наемных убийц Святополк погубил своих братьев Бориса, Глеба и Святослава.

Интересно, что в скандинавской саге «Пряди об Эймунде Хрингссоне» рассказывается о том, что инициатором убийства Бориса («конунга Бурицлава», как его называет сага) был не кто иной, как Ярослав («конунг Ярицлейв»). Но большинство исследователей, опираясь на источниковедческие разыскания, сходятся на том, что сведения саги неверны, да и путаны — под именем «Бурицлава» в саге выступает Святополк. Поэтому, скорее всего, Ярослав не имел отношения к убийству братьев.

Ярослав, продолжающий сидеть в Новгороде, узнал о смерти отца из письма сестры Предславы. И он, и Святополк понимали, что война между ними неминуема — оба обладали и силой, и влиянием, и честолюбием. Наконец в 1016 г. Ярослав собрал большое войско из новгородцев и нанятых в Заморье варягов-шведов и выступил в поход на Киев. В свою очередь Святополк привлек под свои знамена кочевников-печенегов. Под Любечем полки Святослава были разбиты и рассеяны, сам же он бежал в Польшу к своему тестю и союзнику польскому князю Болеславу Храброму.

Ярослав занял Киев зимой 1016/1017 гг. Но в 1018 г. Болеслав с большим войском, состоявшим из русской дружины Святополка, поляков, а также наемных отрядов немцев, венгров и печенегов, в битве на реке Буге разбил рать Ярослава и вынудил его бежать в Новгород с немногими оставшимися у него людьми. Несмотря на тяжелое поражение своего князя, жители северорусского города решили защищаться. И здесь вновь проявило себя новгородское вече, не желающее сдавать город на милость победителю. Узнав о намерении Ярослава бежать к шведскому королю, новгородцы непустили князя и устроили настоящий мятеж — порубили топорами ладьи Ярослава. Затем они собрали многочисленное войско и под стягом Ярослава вновь двинулись на Киев. Святополк был

разбит новгородцами и бежал к печенегам. Но и помощь степных дружин ему не помогла. В битве на реке Альте было разбито и печенежское войско. И хотя Святополку вновь удалось бежать, но на Русь он так и не вернулся, сгинув на чужбине.

В 1019 году Ярослав вновь занял Киев. Но ему еще долго не удавалось утвердиться здесь окончательно и объединить под своей властью русские земли. Уже в 1021 году его племянник Брячислав, князь Полоцкий, захватил и ограбил Новгород, и Ярославу пришлось воевать, а затем мириться с ним, жалую города и волости. В 1024 году младший брат киевского князя Мстислав Владимирович Чернигово-Тмутараканский, победив в битве при Листвене, вынудил Ярослава заключить с ним договор о разделе всей Русской земли по Днепру. Мстислав взял восточную половину и сел править своим уделом в Чернигове, а Ярослав — западную, с Киевом. Кстати, в данном случае Чернигов впервые стал центром отдельного русского княжества. Лишь в 1036 году, после смерти оставшегося без наследников Мстислава, Киевская Русь вновь объединилась в единое государство. Впрочем, долгое время фактической независимостью будет обладать Полоцкое княжество, а земля вятичей, видимо, вновь вышедшая из-под власти киевского князя, вернется в состав Киевской Руси только в конце XI в.

Все летописи отмечают ярко выраженный физический недостаток Ярослава: он был «хромоног» — то ли от рождения, то ли вследствие перенесенной в детстве болезни. Но несмотря на это, те же летописи всегда подчеркивают, что Ярослав отличался умом, начитанностью и редкой проницательностью. В русскую историю он вообще войдет под прозвищем Мудрый. Правда, никто не знает, когда это почетное прозвание стало ассоциироваться с именем Ярослава. Современный историк А.Ю. Карпов, несколько лет собиравший подробную биографию Ярослава, так и не нашел упоминания этого прозвища в летописях или в памятниках древнерусской общественной мысли. Книжники средневековой Руси именовали Ярослава Великим и Старым. Лишь однажды киевский летописец XII в. называет Ярослава «премудрым князем», а Степенная книга (памятник XVI в.) отмечает, что Ярослав был «благоразумным велемудрием преудобен». Но словосочетание «Ярослав Мудрый» не встречается никогда.

Итак, самостоятельное правление Ярослава в качестве полноправного великого князя началось в 1036 г. Именно при *Ярославе Владимировиче* (правил до 1054 г.). Киевская Русь достигает наибольшего расцвета. В 1036 году в битве у Золотых Ворот он разбил подступивших к самому Киеву печенегов, прекративших после этого страшного

поражения свои набеги на Русь. Дружины Ярослава ходили походами на финнов, ятвягов (литовцев), мазовшан.

По своим духовным и политическим интересам Ярослав был близок к Византии. Во всяком случае, в 1037 г. в Киеве впервые появляется митрополит-грек Феопемпт, назначенный в Константинополе. В это же время начинается строительство нового соборного храма Киева — Софийского собора, своего рода конкурирующего с Десятинной церковью христианского центра. А саму Десятинную церковь в 1039 г. митрополит-грек заново освятит, как бы подчеркивая некую неканоничность того направления в христианстве, которое поддерживал клир Десятинной церкви. Еще раньше покинет Киев и первый настоятель Десятинной церкви Анастас Корсунянин, ушедший в 1018 г., перед вокняжением Ярослава, в Польшу.

Но в начале 40-х гг. XI в. отношения с Византией охлаждаются, и не случайно, что митрополит-грек в Киеве не упоминается в течение нескольких десятилетий. А затем начинается и война с Византией.

В 1043 году Ярослав Мудрый, возмущенный вероломным убийством в Царьграде знатного русича, послал на греков войско под командованием своего сына Владимира. У маяка Искрести при входе в Босфор русские ладьи были атакованы византийскими кораблями, метавшими на врагов «греческий огонь». Многие поврежденные ладьи были выброшены на берег. Воины с них, ведомые воеводой Вышатою, начали отступление по берегу. Остатки русского флота под командованием князя Владимира, отбиваясь от преследователей, тоже отходили. Владимиру удалось уничтожить высланные вдогонку за ним 24 корабля византийцев. Но ушедший по берегу Черного моря отряд Вышаты (около 6 тысяч воинов) у города Варны был окружен огромной византийской армией и вынужден был сложить оружие. По своему жестокому обычаю греки ослепили всех попавших к ним в плен русских воинов. Лишь через несколько лет, после примирения киевского князя с византийским императором, искалеченные люди были отпущены на родину. Это был последний русский поход на Византию.

Но разрыв с Византией какое-то время сохранялся. В 1044 г. произошло перенесение в Десятинную церковь и посмертное крещение останков князей-язычников Ярополка и Олега Святославичей — действие явно неканоническое с точки зрения византийской церкви. В 1051 г. собор русских епископов избрал Киевским митрополитом «русина» Илариона, без всякого согласования с Константинополем. Однако в последние годы жизни Ярослав вновь повернулся лицом к Византии.

Стремясь к миру с сильными королями, он охотно скреплял договоры с ними брачными узами. Сам князь был женат на Ингигерде (в крещении Ирине), дочери шведского короля Олафа. Сестра Ярослава Мария была выдана замуж за польского короля Казимира. Его старшая дочь Елизавета стала женой норвежского короля Гаральда Смелого. Венгерский король Андрей был женат на Анастасии Ярославне, а младшая ее сестра Анна Ярославна, выйдя замуж за короля Генриха I, стала королевой Франции. На чужеземных принцессах были женаты и сыновья Ярослава.

Ярослав Мудрый значительно усилил Киевскую Русь, превратив ее за годы своего правления в крупнейшее государство Европы. Он строил города (Ярославль на Волге, Юрьев (ныне Тарту) в Прибалтике), монастыри и соборы. Собор Святой Софии до сих пор является украшением Киева. При Ярославе Владимировиче были возведены Золотые Ворота с церковью Благовещения над ними. Заботился князь и о развитии книгописания на Руси: собрав при своем дворе писцов, он поручил им перевод греческих рукописных книг на славянский язык.

До нас дошло «завещание Ярослава», оставленное им своим детям. Но это «завещание» фактически предопределяет очередной распад Руси. Правда, Ярослав впервые юридически определил права «старейшего» из сыновей — им стал старший сын *Изяслав Ярославич* (1024—1078), который и принял титул великого киевского князя. Но и остальные братья получали свои уделы: Святослав — Чернигов, Всеволод — Переяславль. В середине XI в. именно Киев, Чернигов и Переяславль считались главными центрами собственно Руси, то есть бывшей земли полян. При этом к Чернигову (очевидно, несколько позднее) будут приписаны земли по Десне и Оке «до Мурوما», к Переяславлю — Ростово-Суздальская земля, а Новгород будет пока в ведении Киева. Младшие Ярославичи — Вячеслав и Игорь — получили, соответственно, первый — Смоленск, а второй — Владимир Волынский.

В первые годы своего правления Изяслав Ярославич действовал в тесном союзе с младшими братьями — князем черниговским Святославом Ярославичем и князем переяславским Всеволодом Ярославичем. В 1067 году Киевскую Русь поразила война между сыновьями Ярослава и Всеславом Брячиславичем, князем Полоцким, в результате которой Всеслав был захвачен в плен и заключен в тюрьму в Киеве. Но в сентябре 1068 г. Ярославичи потерпели поражение от половцев на реке Альта. Изяслав бежал в Киев, где на требование горожан раздать им оружие и возглавить новое ополчение для борьбы с половцами ответил отказом. В ответ киевляне проявили свою волю — 15 сентября в Киеве началось восстание, в ходе которого киевляне изгнали Изяслава из Киева, а на его место

посадили освобожденного из темницы Всеслава Полоцкого, который занимал киевский стол в течение семи месяцев.

Изяслав Ярославич бежал в Польшу. В мае 1069 г., при поддержке своего родственника по жене польского короля Болеслава II, Изяслав возвратился в Киев. Он обещал братьям и киевлянам не мстить жителям Киевской земли за свое изгнание, но нарушил свое обещание. Всяческие притеснения со стороны Изяслава продолжались и после вступления князя на киевский престол. Тогда киевляне начали избивать поляков, приехавших вместе с Изяславом. Видя недовольство жителей Киева, король Болеслав оставил Изяслава и вместе со своим войском возвратился домой. В том же 1069 г. Изяслав изгнал Всеслава из Полоцка и посадил там князем сына Мстислава.

Изяслав Ярославич считается одним из самых «западных» русских князей в XI в. Он постоянно ориентировался на западных союзников, а в церковном отношении поддерживал направление Десятинной церкви. В 1072 г. по инициативе киевского князя и при явном нежелании митрополита-грека Георгия состоялась канонизация первых русских святых — князей братьев Бориса и Глеба.

В 1073 году начались усобицы уже между самими Ярославичами. В этих войнах принимали участие и их многочисленные сыновья и племянники. В марте 1073 г. Изяслав Ярославич был изгнан из Киева братьями Святославом и Всеволодом по обвинению в сговоре с Всеславом Полоцким. Изяслав вновь бежал с семьей в Польшу, где, надеясь на свою большую казну, хотел получить поддержку. Но после избиения поляков в Киеве в 1069 г. у короля Болеслава не было никакого желания вмешиваться в русские дела. Изяслав Ярославич провел в Польше более полутора лет, потратив большое количество денег и не преуспев ни в чем.

Святослав Ярославич (1027—1076, киевский князь с 1073 г.), став киевским князем, проводил ловкую внешнюю политику — сумел обратить всех зарубежных покровителей Изяслава в своих союзников. К примеру, он отговорил поддерживать Изяслава даже польского короля Болеслава II. В ответ Святослав обещал ему помощь в войне с чехами, и уже в 1076 г. сын Святослава Ярославича Олег и племянник Владимир Всеволодович Мономах совершили поход в Чехию.

1 января 1077 г., после смерти брата Святослава, Киев занял Всеволод Ярославич, но уже в июле этого же года уступил стольный город вернувшемуся из Польши и с польскими войсками Изяславу Ярославичу, а себе взял Чернигов.

В 1078 г. Изяслав Ярославич выступил на стороне Всеволода Ярославича, который был изгнан из Чернигова сыном Святослава Ярославича Олегом и племянником Борисом Вячеславичем. В произошедшей 3 октября 1078 г. битве на Нежатиной ниве Олег и Борис потерпели поражение, но в этой же битве погиб и Изяслав Ярославич. Таким образом, киевским князем становился Всеволод Ярославич.

Всеволод Ярославич (1030—1093, киевский князь в 1078—1093 гг.) — четвертый сын Ярослава Владимировича Мудрого и Ирины (Ингигерд). Сам Всеволод был женат на дочери византийского императора Константина IX Мономаха. До своего вокняжения в Киеве Всеволод владел Переяславлем-Южным, Ростовом, Суздалью, Белоозером и землями в Верхнем Поволжье. Став киевским князем, Всеволод отдал Чернигов своему сыну Владимиру Мономаху.

Княжение Всеволода Ярославича тоже не было спокойным. Дети и внуки его умерших братьев Владимира, Святослава и Игоря Ярославичей были лишены им владений и постоянно воевали с ним, требуя возвращения наследственных уделов. В 1079 г. Всеволоду удалось присоединить к своим владениям Тмутаракань — базу князей-изгнанников, но уже в 1081 г. молодые князья Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич вновь заняли эту отдаленную область на Тамани.

В эти годы помощником стареющего Всеволода становится его старший сын Владимир Мономах. В 1080 г. Всеволод посылал Владимира отразить нападение торков, в 1084 г. — изгнать из Владимира-Волынского захвативших этот город Володаря Ростиславича и Василька Ростиславича, а в 1085 г. — подавить мятеж Ярополка Изяславича. Уже в этот период Владимир Мономах заслуженно приобретает славу талантливой и удачливой полководца.

В 1093 году, после смерти Всеволода Ярославича, Владимир Мономах, соблюдая принцип «старейшества», уступил великокняжеский стол двоюродному брату Святополку Изяславичу. При этом он отказался от приглашения киевлян, которые хотели видеть своим князем именно его, и остался в родовом Переяславском княжестве.

Святополк Изяславич (1050—1113) — сын киевского князя Изяслава Ярославича от наложницы, в 1078—1088 гг. княжил в Новгороде Великом, в 1088—1093 гг. — в Турове. Став в апреле 1093 г. киевским князем, он втянулся в войны с половцами, которые в это время нередко разоряли русские земли.

В 1097 г. по инициативе Владимира Мономаха, озабоченного бесконечными княжескими усобицами, которые стали особенно опасными ввиду постоянных нашествий половцев, в Любече состоялся съезд русских князей — потомков Ярослава Мудрого. Этот съезд должен был урегулировать наследственные права на княжения — «отчины», чтобы

в будущем избежать междоусобных войн. Любечский съезд 1097 г. принял знаменитое решение, сформулированное в положении **«каждый держит отчину свою»**, т.е. закрепил право князей на владение княжествами по наследству. Съезд распределил и «отчины» между потомками Ярослава. Изяславичам достались киевские земли, Святославичам — Черниговские и Рязанские, Всеволодовичам — Переяславские, Ростовские и Смоленские, Ростиславичам — Галицкие, Давыду Игоревичу — Владимир Волынский. По решению съезда Святополк Изяславич получил Киев, Туров, Слуцк и Пинск. Правда, на съезде не были определены соотношения понятий «старейшество» и «отчина». Это предопределило будущие постоянные споры русских князей о том, кто из них «старейший» и кто обладает правом «отчины» на то или иное княжество. Во многом поэтому сразу же после Любечского съезда начались новые усобицы.

В августе 1100 г. состоялся новый княжеский съезд: князя Святополк Изяславич, Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи собрались в Ветичах, заключили между собой союз и осуществили новое перераспределение «отчин». Через несколько недель в Ветичи прибыл Давыд Игоревич, но не был даже допущен к общему совету: пока все князья совещались, выехав верхом в поле, он сидел в стороне, ожидая решения своей судьбы. В итоге, князья заставили Давыда Игоревича передать Святополку Изяславичу Владимир Волынский. Святополк дал Давыду Игоревичу Бужск, Дубно и Чарторыйск и 400 гривен серебра. Но мира между князьями так и наступило.

Как можно видеть, княжеские съезды лишь на время останавливали усобицы. Обязательно находился кто-то недовольный или обиженный, затем кто-то из князей умирал — и всё начиналось сначала.

В 1102 г. на Руси установился наконец недолгий мир. Святополк Изяславич стремился поддерживать тесный союз с переяславским князем Владимиром Мономахом и даже женил своего сына Ярослава на внучке Мономаха. Свою дочь Сбыславу он выдал замуж за польского короля Болеслава, а другую — Предславу — за венгерского королевича. Этими браками Святополк еще более укрепил свое положение в Киеве. Примирение князей немедленно сказалось на укреплении обороноспособности Руси. Еще в 1101 г. русские князья на реке Золотиче встретились с половецкими князьями и заключили с ними мир.

В 1103 г. состоялся Долобский съезд князей, который принял решение об общерусском походе против половцев. Владимиру Мономаху удалось в ходе жесткой полемики убедить остальных князей в необходимости этого предприятия. Князья боялись разорить своих подданных, крестьян-смердов, весенним походом. На что Мономах ответил вопросом: «А о том почему не думаете, что вот начнет пахать смерд, и, приехав,

половчин поразит его стрелой, а лошадь его возьмет, а в село его въехав, возьмет жену его и детей и все его имущество? То лошади жаль, а самого не жаль, что ли?» Было собрано невиданное доселе войско, которое полностью разгромило южные половецкие кочевья, а русские князья с минимальными потерями и с большим богатством возвратились восвояси. Этот поход стал началом решительного наступления на половецкую степь. В 1106 г. воеводы Святополка отразили нападение половцев, а в 1107 г. русские князья вновь ходили на половцев и в 1108 г. заключили с ними мир. Походы русских князей на половцев повторялись в 1110 и 1111 гг.

Гораздо менее успешной была политика Святополка во внутренних делах. В памяти киевлян он остался как князь сребролюбивый и скупой, пускавший с целью наживы во всевозможные авантюры, спекулировавший солью и давший большие вольности иудейским ростовщикам в Киеве. В его правление множество киевлян было разорено и попало в долговую зависимость к иудеям, которые требовали уплаты огромных процентов по долгам. Все это привело, после смерти Святополка, к восстанию в Киеве в 1113 году. Восставшие громили дворы ближайшего окружения князя, а также дворы иудеев-ростовщиков. Именно восставшие киевляне настояли на том, чтобы княжеский стол в Киеве принял Владимир Мономах. Князь согласился, но отказался выполнять одно из главных требований — выселение иудеев-ростовщиков, ссылаясь на то, что такого рода мероприятия требуют проведения княжеского съезда.

После советов с тогдашним митрополитом Никифором, который «резы» (т.е. проценты) считал вообще недопустимыми для христиан, Владимир Мономах огласил «Устав о резах», которым ограничивался процент плат с должников. Новый «устав» облегчил положение должников и закупов, стал составной частью «Русской Правды», успокоил мятежное киевское простонародье и снискал Владимиру Мономаху славу мудрого законодателя и правителя, заботящегося о благе всех своих подданных. Но в 1124 году киевляне и без княжеского благословения все же осуществляли выселение иудеев. Коснулось оно и некоторых других земель, в том числе западнославянских. Именно в этот период в Крыму и далеко в Западной Европе появятся иудеи — «выселенцы» из Руси.

Владимир Мономах (1053—1125, великий князь киевский с 1113 г.) — один из последних русских князей, которому удалось объединить земли-княжения Киевской Руси под своей властью. Он был сыном князя Всеволода Ярославича и византийской принцессы Марии, от отца которой императора Константина IX Мономаха и унаследовал свое почетное родовое прозвище Мономах (греч. — «единоборец»).

В самом Киеве князь старался сохранить взаимодействие с митрополией и городскими верхами, что обеспечивало ему возможность проведения твердой политики по

отношению к другим землям-княжениям, где он опять-таки разместил своих сыновей. Впрочем, Полоцк при Владимире Мономахе так и не вернется в состав единого государства, как и Тмутаракань, в последний раз упомянутая в летописи еще в 1094 году. Но заметно укрепились позиции Руси на Волго-Балтийском пути, и было остановлено наступление половцев по границам лесостепи. В этом отношении принципиальное значение имело решение 1107 года: Владимир женил на половчанке своего сына Юрия Долгорукого, а Олег Святославич — сына Всеволода. Этими браками предполагалось снять напряженность между Русью и Степью. Но результатом явилось включение половцев во внутренние усобицы на Руси.

С еще одной, совершенно неожиданной, стороны раскрылся великий князь в конце своей земной жизни. Оглянувшись на прожитые годы, он, по использованному им образному сравнению «на саях сидя» (то есть на склоне лет, готовясь к встрече с вечным), составил знаменитое «Поучение», обращенное к детям и «иным, кто прочтет». Это была первая в нашей истории настоящая, очень подробная автобиография, помимо прочего представляющая собой выдающийся памятник древнерусской литературы и философско-политической мысли. Главная идея Владимира Всеволодовича Мономаха заключена в одном: именно князь обязан помнить о возложенной на него ответственности за судьбу своей земли и своего народа. Понимая неизбежность процесса дробления Руси на отдельные княжества, он стремился убедить своих наследников сохранить их политическое, военное и культурное единство. Любопытен приведенный Владимиром Всеволодовичем пример: прилетающие весной из рая птицы занимают свое, принадлежащее лишь им место; слабые занимают свое, а сильные — свое. И ни одна не пытается согнать другую и занять лучшее место — каждая довольствуется своим уделом. Так, считал Мономах, должны поступать и русские князья. Так всю свою жизнь поступал и сам Владимир Всеволодович, правивший в согласии со своей совестью, чувствуя нужды родной земли.

О том, что Владимир Мономах стремился к воплощению в жизнь идеи единства Руси, свидетельствует еще одно его произведение, дошедшее до нас, — «Письмо к Олегу Святославичу», внуку Ярослава Мудрого и многолетнему сопернику Мономаха. В этом письме Владимир Мономах призывает своего соперника отказаться от кровопролитной борьбы и мести, несмотря даже на то, что Олег Святославич убил в междоусобной борьбе за город Муром сына Мономаха — Изяслава.

Это письмо — свидетельство того, как сам Владимир Мономах, обуреваемый жаждой мести, подавляет в себе это низменное начало и пытается замирился с

братом. «О я, многострадальный и печальный! — восклицает Владимир Мономах. — Много борешься, душа, ты с сердцем и одолеваешь сердце мое, потому что, будучи тленным, размышляю, как предстать перед Страшным Судьею, не покаявшись и не примирившись друг с другом».

Источником его мирных намерений служат, во-первых, идея Христовой любви, а, во-вторых, забота о единстве Русской земли. Поэтому и обращается он к Олегу Святославичу с призывом к смирению и покаянию, утверждая: «...Не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле».

Об особых добродетелях Владимира Мономаха постоянно говорит и летопись. В этом прославлении Владимира Всеволодовича многое зависело от того, что редакции «Повести временных лет» сохранились по городам, где княжили потомки Владимира Мономаха. Но были и объективные обстоятельства, заставлявшие видеть во Владимире идеального правителя. В определенной степени это проявляется и в его «Поучении» сыновьям. Владимир рисует там действительно образ идеального правителя, задача которого — быть справедливым, ответственным перед теми, кем управляешь.

Еще при жизни Владимира, в 1117 г, его соправителем стал сын *Мстислав Владимирович*, который до того княжил в Новгороде. Мстислав в целом стремился продолжать политическую линию отца на сохранение единой Руси. В конце 20-х гг. XII в. по соглашению с Византией ему удается отправить в ссылку полоцких князей вместе с их семьями. В Полоцке был посажен сын Мстислава Изяслав, а в Киеве князю удавалось поддерживать сотрудничество с митрополией и городскими верхами. По основным же центрам, как в свое время и Владимир, Мстислав постарался разместить своих сыновей. В Новгороде Мстислава заменил его сын Всеволод, а Ростислав — сын от второй жены — получил Смоленск.

Но и при Мстиславе продолжались княжеские убоицы, хотя и не в уделах, оставленных Владимиром Мономахом. Основная борьба шла у потомков Святослава из-за Чернигова.

Мстислав умер в 1132 году в возрасте 56 лет. В «Истории Российской» В.Н. Татищева имеется оценка деятельности этого князя, взятая из какой-то неизвестной нам летописи: «Он был великий правосудец, в воинстве храбр и доброраспорядочен, всем соседям его был страшен, к подданным милостив и рассмотрителен. Во время его все князи жили в совершенной тишине и не смел один другаго обидеть. Сего ради вси его именовали Мстислав Великий. Подати при нем были хотя велики, но всем уравнительны,

и для того вси приносили без тягости». И в других летописях Мстислава довольно дружно прославляют как идеального правителя.

Но со смертью Мстислава Киевская Русь вскоре распадается на отдельные княжества — начинается период феодальной раздробленности.